

Н. Белоголовый

**Воспоминания и другая
статья**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Б43

Б43 **Белоголовый Н.**
Воспоминания и другие статьи / Н. Белоголовый – М.: Книга по Требованию,
2014. – 606 с.

ISBN 978-5-458-10252-0

Немногие из общественных деятелей оставляют после себя такую чистую, светлую, такую добрую и славную память, какую оставил автор настоящей книги, знаменитый врач-гуманист Николай Андреевич Белоголовый. В удивительной гармонии сочетались в этой крупной, граждански-развитой и стойкой личности высокие качества сердца, ума и характера.

ISBN 978-5-458-10252-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Вмѣсто предисловія къ 1-му изданію.

Немногіе изъ общественныхъ дѣятелей оставляютъ послѣ себя такую чистую, свѣтлую, такую добрую и славную память, каковую оставилъ авторъ настоящей книги, знаменитый врачъ-гуманистъ Николай Андреевичъ Бѣлоголовый. Въ удивительной гармоніи сочетались въ этой крупной, граждански-развитой и стойкой личности высокія качества сердца, ума и характера, не только не заслонявшія одно другое, какъ это къ сожалѣнію не разъ встрѣчается въ жизни, но прекрасно дополнившія другъ друга. Образцовый семьянинъ, нѣжный и почтительный сынъ, любящій братъ, попечительный родственникъ, идеальный мужъ, слившійся воедино съ личностью своей подруги жизни, въ теченіе долгихъ лѣтъ супружеской жизни ни разу съ нею не разстававшійся — Н. А. обладалъ любвеобильнымъ, чуткимъ сердцемъ, которое было широко раскрыто не для однихъ семейныхъ привязанностей, но и для дружбы теплой, для прочныхъ нравственныхъ привязанностей. Всѣ, кому выпало высокое счастье быть приобщеннымъ къ нимъ — а такихъ лицъ было не мало, начиная отъ декабристовъ, которые годились въ отцы Н. А-чу и кончая людьми нашего поколѣнія, которые годились ему въ дѣти — согласятся со мною, если я скажу, что дружба Н. А-ча была для нихъ однимъ изъ лучшихъ воспоминаній всей жизни.

Не меньшею широтою и глубиною отличались и общественныя симпатіи этого всесторонняго альтруиста, умѣвшаго согласовать разнаго рода общественно-концентрическія привязанности, кажущіяся недостаточно развитымъ умамъ взаимно себя исключаящими. Страстно любя свою холодную, обездоленную родину Сибирь, Н. А. всѣми фибрами души былъ привязанъ и къ Россіи, духовными интересами коей онъ жилъ и дышалъ до послѣдняго вздоха — но любовь къ Россіи не мѣшала ему питать глубочайшее уваженіе къ европейской, точнѣе къ всемир-

ной, общечеловѣческой культурѣ, насажденіе коей въ Россіи онъ считалъ первымъ и самымъ священнымъ долгомъ всякаго друга русскаго народа.

Отъ природы Бѣлоголовый былъ одаренъ мягкимъ сердцемъ, но душевная теплота одна сама по себѣ, и даже въ связи съ добрымъ вліяніемъ дружной семейной жизни, не могла бы изъ него выработать того цѣльнаго гражданина и отзывчиваго на все доброе, человѣка, съ хорошо сознанными требованіями вѣка и крѣпкими нравственными принципами, какимъ его знали всѣ, знавшіе его. Въ формированіи характера и міросозоранія Бѣлоголоваго прежде всего слѣдуетъ отмѣтить плодотворное вліяніе семейнаго режима, чуждаго крайностей, какъ распушенности, такъ и жесткой дисциплины — и его первыхъ учителей декабристовъ, подъ руководствомъ коихъ прошло его первоначальное ученіе. Нельзя не отмѣтить и полученное имъ прекрасное среднее образованіе, чуждое казенной муштровки, а также университетское благотворное вліяніе времени Грановскаго и, наконецъ, тотъ высокій нравственный подъемъ, который коснулся въ концѣ 50-хъ годовъ всего, что было въ Россіи мыслящаго и разумѣющаго, свѣжаго и порядочнаго. Таковы факторы, сформировавшіе изъ даровитаго сибирскаго купеческаго сына одного изъ лучшихъ русскихъ гражданъ, одного изъ образованнѣйшихъ и благороднѣйшихъ русскихъ врачей, который смѣло могъ сказать: *homo sum et nihil humani a me alienum puto*.

Считаю излишнимъ и даже неумѣстнымъ передавать здѣсь подробности о воспитаніи и ученіи Бѣлоголоваго. Въ печатаемыхъ ниже воспоминаніяхъ его о декабристахъ, о Боткинѣ и др. съ такою правдивостью и рельефностью очерченъ кругъ лицъ и впечатлѣній, окружавшихъ дѣтство и юность Н. А., что пришлось бы только повторять, а то и портить эти прелестныя картины съ натуры, написанныя любящею и признательною рукой. Пусть читатель самъ испытаетъ всю обаятельную свѣжесть этихъ безыскусственныхъ дружескихъ воспоминаній, отъ коихъ вѣетъ какою-то чисто эпическою простотою и юношескою задумчивостью, нерѣдко однако достигающими художественной яркости и глубокаго потрясающаго лиризма, какъ напр. въ разсказѣ о Поджіо. Вы невольно поддаетесь очарованію дружескаго пера: вы невольно полюбите героевъ автора воспоминаній, а также и... самого автора. Не смотря на всѣ усилія его, автора, ступать самому и выдвигать на первый планъ своихъ учителей и друзей, его любящая натура, его вдумчивый умъ, отарытый, благородный харак-

терь, крѣпкій нравственный закалъ и твердость въ привязанностяхъ просвѣчиваютъ на каждомъ шагѣ.—Характеризуетъ ли онъ взглядъ Поджіо на обязанности гражданина, обсуждаетъ ли принципы медицинской школы Боткина или политической программы Лорисъ-Меликова — Бѣлоголовый обрисовывается во весь ростъ со своими твердыми, благородными, гуманно-освободительными политическими принципами и крѣпкими нравственными устоями.

Въ виду сказаннаго, отсылая читателя къ самимъ произведеніямъ Бѣлоголоваго, какъ лучшимъ источникамъ для уясненія личности его, тутъ мы ограничимся немногими біографическими штрихами ¹⁾.

Августъ 1897 г.
Москва.

Гр. Джаншиевъ.

Р. С. Приводимъ отчетъ о первыхъ двухъ изданіяхъ «Воспоминаній Н. А. Бѣлоголоваго» Получено отъ продажи 1-го веленеваго изданія 2,202 р., 2-го изданія—2,382 р. Поступило отъ С. П. Бѣлоголовой 1,000 р. и гонораръ за статьи Бѣлоголоваго изъ *Русск. Вѣд.*—761 р. 30 к., итого 6,348 р. 30 к. Уплачено типографіи Александрова 1,409 р. 65 к., компаніи Говарда за бумагу—1,330 р., Ренару за клише—150 р., за объявленія въ *Нов. Врем. (Русскія Вѣдомости и Вѣстникъ Европы)* объявленія печатали бесплатно)—9 р. 60 к., итого 2,899 р. 25 к., остатокъ—3,449 р. 5 к., изъ коихъ С. П. Бѣлоголовой 1,000 р. пожертвовано въ женскій медицинскій институтъ для образованія преміи имени Н. А. Бѣлоголоваго, и 1,000 р. въ Литературный Фондъ — въ капиталъ его же имени. Остальная сумма 1,449 р. 5 коп. переносится на счетъ настоящаго, печатающагося въ количествѣ 3600 экземпляровъ, также съ благотворительною цѣлью, 3-го изданія.

Москва.
Мартъ 1898 г.

Настоящее, 4-е изданіе печатается Литературнымъ Фондомъ, которому Софья Петровна Бѣлоголова принесла его въ даръ.

¹⁾ Въ 3-е изданіе, за немногими изытіями, вошло все, что осталось въ бумагахъ Бѣлоголоваго, а также и то, что печаталось имъ въ Россіи.

Д-ръ Н. А. Бѣлоголовый

Род. 5 октября 1834 г. † 6 сентября 1895 г.

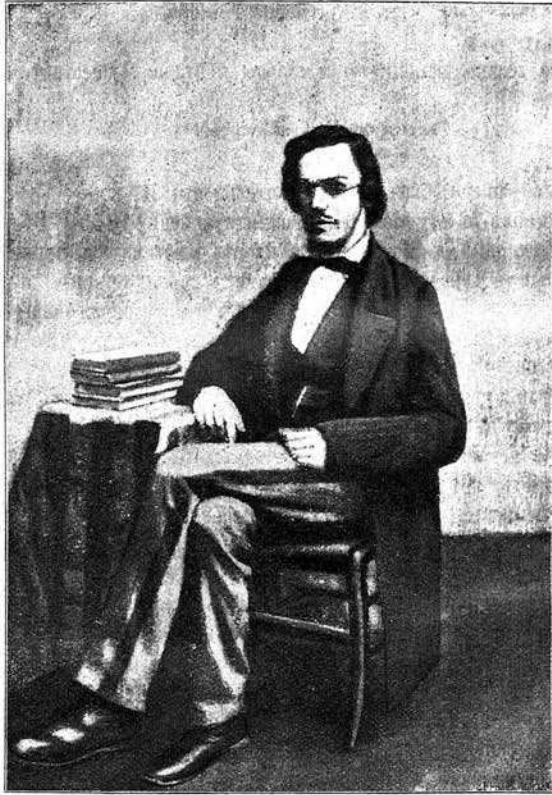
Н. А. Бѣлоголовый родился въ Иркутскѣ въ старинной купеческой семьѣ. — Отецъ Бѣлоголоваго, человѣкъ начитанный и близко стоявшій къ декабристамъ, рѣшилъ дать дѣтямъ наилучшее образованіе. — Первыми учителями Бѣлоголоваго были жившіе недалеко отъ Иркутска декабристы: П. И. Борисовъ А. П. Юшневскій и А. В. Поджіо, съ которыми онъ завязалъ дружескія отношенія на всю жизнь. — Добродушный и аккуратный, способный и трудолюбивый, Н. А. уже въ дѣтствѣ обнаруживалъ любознательность и страсть къ чтенію, которая, благодаря методическому руководству названныхъ наставниковъ, получила разумное направленіе и цѣлесообразное питаніе.

Среднее образованіе Н. А. получилъ въ одномъ изъ лучшихъ московскихъ пансіоновъ Энеса, гдѣ онъ окончилъ курсъ въ 1850 г. вмѣстѣ съ знаменитымъ своимъ другомъ С. П. Боткинымъ.

Любя страстно русскую литературу, Н. А. намѣревался поступить на словесный факультетъ, но какъ разъ передъ этимъ, обскурантамъ удалось ввести въ университеты, кромѣ медицинскаго факультета, комплектъ въ 300 человѣкъ, и Бѣлоголовый, какъ и С. П. Боткинъ, чтобы не остаться за порогомъ университета, вынужденъ былъ поступить на медицинскій факультетъ московскаго университета.

Рѣдко когда злая судьба дѣлала безсознательно такое доброе дѣло. Изъ даровитаго Бѣлоголоваго вышелъ блестящій медикъ, превосходно изучившій свою науку, но вмѣстѣ съ глубокими знаніями по своей специальности соединявшій рѣдкое человѣколюбіе, безкорыстіе и не-

обыкновенно живой интересъ къ общественнымъ дѣламъ. На нравственное и политическое развитіе П. А., безъ сомнѣнія, оказало самое

Н. А. Бѣлоголовый (1860 г.).

сильное вліяніе вѣщее слово допѣвавшаго свою лебединую пѣснь великаго учителя—Граповскаго, но едва ли не большее еще вліяніе на

дальнѣйшую дѣятельность и направленіе имѣло то юношеское, бодрое настроеніе, которое охватило все, что было живого и мыслящаго въ Россіи, съ воцареніемъ Александра II. Къ этой свѣтлой полосѣ русской жизни, когда

... раскрывалась грудь надеждъ
И мечтамъ о счастьи земномъ,

когда не только юноши, но и старцы мечтали осуществить

Святыя бредни юныхъ дней,

относится начало общественной дѣятельности Н. А.

Какъ разъ въ эту грозную, но памятную весну 1855 г. Бѣлоголовый сбрасывалъ съ себя студенческій мундиръ, чтобы надѣть сначала казенный мундиръ городского врача, а затѣмъ вскорѣ смѣнить этотъ мундиръ на toga virilis русского убѣжденнаго, вольнолюбиваго гражданина, образъ котораго сталъ обрисовываться въ это время въ туманной перспективѣ будущаго и энергіею котораго создавались и сохранялись всѣ культурныя приобрѣтенія послѣдующаго времени.

По окончаніи курса въ университетѣ, Н. А. отправился на родину, гдѣ вскорѣ получилъ мѣсто иркутскаго городского врача. Даровитый врачъ, внимательно слѣдящій за движеніемъ науки, гуманный, общедоступный, безкорыстный, безукоризненный блюститель всѣхъ требованій медицинской этики и съ независимымъ характеромъ — находка и не для Иркутска, а потому Бѣлоголовый сразу занялъ видное и почетное мѣсто, импонируя какъ всецѣльной администраціи, привыкшей къ рабодѣству, такъ и мѣстному обществу, привыкшему дотолѣ уважать только деньги и власть. Вскорѣ по поступленіи Н. А. на общественное поприще стали обнаруживаться, по окончаніи крымской войны, первые проблески пробужденія Россіи и первые признаки предстоящей отмены крѣпостнаго права. Отдаленные отголоски начинавшагося общественнаго пробужденія чрезъ журналы и устную молву стали доходить и до далекой Сибири, и здѣсь университетская молодежь не менѣе радостно, нежели въ коренной Россіи, привѣтствовала занимающую зарю освобожденія.

Бѣлоголовый, всегда живо интересовавшійся литературою и журналистикою, всегда горячо принимавшій къ сердцу общественные вопросы, съ восторгомъ пошелъ навстрѣчу начинавшемуся общественному возрожденію. Какъ ни мало оставляли досуга ему официальныя обязан-

ности и практика, какъ ни плохо подготовлена была въ сибирской глуши 50-хъ годовъ почва для общественной самодѣятельности. Бѣлоголовый своимъ убѣжденнымъ словомъ и благороднымъ характеромъ умѣлъ расшевелить косность своихъ товарищей по профессіи, а въ послѣдствіи въ Иркутскѣ образовалъ медицинскій кружокъ который обсуждалъ научные медицинскіе вопросы, а также вопросы медицинской этики. Какъ извѣстно, къ этому же времени относятся первыя печатныя разоблаченія злоупотребленій общерусской и сибирской администраціи. Объ одномъ изъ нихъ, касавшемся Молчанова, появилась корреспонденція въ *Колоколь*. Введенный въ заблужденіе, Герценъ опровергъ въ послѣдствіи сообщенное извѣстіе. Нужно вспомнить о томъ чрезвычайномъ авторитетѣ, какимъ пользовался въ то время *Колоколь* въ высшихъ сферахъ, чтобы понять ликованіе друзей Молчанова. Они уже считали побѣду окончательно на своей сторонѣ, но тутъ вступилъ въ дѣло Бѣлоголовый. Никогда не знавшій Герцена, онъ поѣхалъ къ нему за границу и съ документами въ рукахъ доказалъ ему, что онъ введенъ друзьями въ заблужденіе. Вотъ съ какимъ участіемъ и жаромъ относились люди того времени къ общественнымъ вопросамъ.

Въ концѣ 50-хъ годовъ Бѣлоголовый поѣхалъ въ Москву держать экзаменъ на доктора медицины. Въ это время дѣла отца его разстроились. Съ очень ограниченными средствами Н. А. поѣхалъ послѣ экзамена за границу писать диссертацию. Диссертацию писалъ онъ два года, терпя сильную нужду. Выбирая самое дешевое мѣсто, онъ остановился на о. Рюгенѣ на Балтійскомъ морѣ. Здѣсь онъ нанималъ уголь въ лавкѣ мелочнаго торговца и, занимаясь составленіемъ диссертациі, въ отсутствіе хозяина долженъ былъ принимать попутателей ¹⁾ Въ 1862 году

¹⁾ Въ это время Бѣлоголовый находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ Г. А. Захарьинимъ, съ которымъ въ послѣдствіи рѣзко разошелся не только въ политическихъ воззрѣніяхъ, но и въ пониманіи правилъ медицинской этики. Въ одномъ изъ писемъ (письмо 25 июля 1861 г.) Захарьинъ, между прочимъ, писалъ изъ Москвы Бѣлоголовому: „По университету есть важныя новости: во 1-хъ, отъ вноса денегъ увольняются не всѣ, представившіе свидѣтельство о недостаточности состоянія (какъ было прежде), а только съ каждой губерніи отъ выдержавшихъ отлично университетскій экзаменъ, и изъ нихъ одинъ долженъ быть непременно воспитанникъ гимназіи. Вступительные университетскіе экзамены будутъ держаться не въ университетѣ, какъ прежде, а въ гимназіяхъ,—въ присутствіи, гдѣ это возможно, депутатовъ со стороны университета. Студенческая форма совершенно уничтожается: студенты одѣваются, какъ и прочіе смертные. Доходы университета, имѣющіе якобы увеличиться отъ вышеозначенной мѣры, пойдутъ на „усиленіе жалованья“

появилась его диссертация въ Москвѣ подъ заглавіемъ: «О всасываніи солей кожей». Послѣ блестящей защиты диссертации Н. А. намѣревался вернуться на родину, но Боткинъ и др. уговорили его остаться въ Петербургѣ.

Съ половины 60-хъ годовъ до 1881 года Бѣлоголовый жилъ въ Петербургѣ, уѣзжая ежегодно за границу на нѣсколько мѣсяцевъ съ неизмѣнною спутницею, женою своею Софьею Петровною — для отдыха и освѣженія. Съ самаго начала Н. А. занялъ въ Петербургѣ одно изъ первыхъ мѣстъ въ медицинскомъ мірѣ, гдѣ общепризнанное первое мѣсто занималъ великій С. П. Боткинъ. Это первенство извѣст-

профессорамъ. Я, хотя и выгодно заинтересованный, противъ этой мѣры. Въ принципѣ оно, конечно, справедливо: государство, конечно, ничего не можетъ давать даромъ; противное мнѣніе, какъ вамъ извѣстно—фикція; и всякій кто получаетъ образованіе, долженъ и платить за это. Но я полагаю, что у насъ на Руси слѣдовало бы *повременить* съ проведеніемъ здоровыхъ экономическихъ началъ въ области народнаго образованія: финансовая потеря или, правильнѣе, неправильная раскладка расходовъ тутъ не Богъ знаетъ какая, а образованіе-то намъ крайне нужно,—есть много другихъ сферъ, гдѣ приложеніе названныхъ началъ гораздо важнѣе и гораздо настоятельнѣе. 50 р. въ годъ т. е. 200—250 во все время университетскаго курса довольно много для бѣднаго человѣка и, пожалуй, во многомъ ограничить то право на высшее образованіе, которое, по Положеніямъ 19-го февраля, приобрѣтаютъ бывшіе крѣпостные. Еще: стипендіи будутъ выдаваться не бѣднѣйшимъ, какъ прежде, а достойнѣйшимъ (по успѣхамъ) и, конечно, бѣднымъ. *2-я новость*—образъ назначенія ректора: все будетъ по старому, т. е. ректоръ будетъ выбираться профессорами... Что сказать вамъ объ общемъ теченіи дѣлъ? Не разберешь хорошенько, куда текутъ они не то *clorin—clorant* по почтенной стезѣ умѣренного либерализма, не то по торной дорогѣ реакціи. Дурныхъ слуховъ больше, чѣмъ хорошихъ, какъ можетъ и всегда (*sic*) бываетъ. Противъ цензуры стоитъ стонъ жалобъ: *il n'ya qu'une voix là-dessus*. Крайне нужныхъ, давно ожидаемыхъ мѣръ въ судопроизводствѣ и въ финансовомъ мірѣ пока все еще нѣтъ; онѣ все еще *sind in Werden begriffen*. Финансовое положеніе по общимъ отзывамъ ужасно: всѣ жалуются на *Geldklemme* и на страшную дороговизну, что и понятно, потому что золото стоитъ 5 р. 80 к., т. е. за рубль бумажками даютъ только 87 к. сер. Крестьянскія волненія поутихли; кажется, что всѣ доселѣ бывшія волненія зависли не оттого, что крестьяне поняли *положеніе* (к. п.) и остались недовольны имъ, а оттого, что они не поняли, что очень понятно. Останутся ли они довольны *положеніемъ* (к. н.), когда поймутъ его, покажетъ будущее. А кажется, что надо будетъ обратиться въ этомъ будущемъ съ горячей мольбой къ тучегонителю Зевсу: особенно хорошаго оно мало сулитъ... Чтобы разсѣять грустное впечатлѣніе, которое, конечно, произвести эти извѣстія, заканчиваю *roug la benne boche* прият-

наго во всей Европѣ клинициста не положило ни малѣйшей тѣни на ихъ взаимныя дружескія отношенія. Бѣлоголовый былъ и остался до конца жизни самымъ горячимъ поклонникомъ своего даровитаго друга и послѣ смерти его написалъ лучшую его біографію появившуюся въ сборникѣ Павленкова «Жизнь замѣчательныхъ людей»¹⁾. Воткинъ

ною новостью...Зная ваше благочестіе, я увѣренъ, что это извѣстіе изгладитъ предыдущее непріятное впечатлѣніе и укрѣпитъ вашу надежду на силу и жизненность русскаго міра. Что сказать вамъ о себѣ? Въ іюль я занимался литературою (читалъ Бѣкля, о которомъ мы вѣроятно потолкуемъ съ вами) и началъ заниматься, что продолжаю до сихъ поръ съ перемѣннымъ успѣхомъ, потому что занятіямъ мѣшали жары, intermittens, отъ которыхъ у меня до сихъ поръ осталась порядочная слабость (подивитесь, какой я вѣрный Berichtsstatte!) эпизодъ чуднаго психическаго состоянія—можетъ быть, послѣдній привѣтъ отлетающей юности, о которомъ не распространяюсь, какъ о предметѣ хотя и высокомъ, но исключительно малаго интереса.

„Вы должны быть довольны моимъ письмомъ (оно и написано съ дѣльною доставить вамъ удовольствіе—въ отплату за удовольствіе, доставленное мнѣ вашимъ письмомъ): я уже лѣтъ 5 не посылалъ такихъ писемъ; собираясь писать его, я даже съ полчаса думалъ и обдумывалъ вѣрный отчетъ о нашемъ теперешнемъ состояніи; я знаю, какъ вы *принимаете къ сердцу* извѣстіе объ этомъ. Сердечно жалю, что не могъ порадовать лучшимъ. Храни васъ Зевесъ, дорогой мой Николай Андреевичъ, и помоги одолѣть диссертацію“.

¹⁾ Въ біографіи Воткина, написанной Бѣлоголовымъ, имѣется не одна мѣткая характеристика его alter ego Воткина, вполне примѣнимая и къ Бѣлоголовому. Сравнивая Воткина съ тѣми клиницистами, которые смотрятъ на больныхъ, какъ на безжизненный терапевтическій матеріалъ, Бѣлоголовый пишетъ: „Въ противоположность этому Воткинъ былъ воплощенная человечность и доброта: онъ такъ мягко и участливо обходился съ больными, что одними этими врожденными своими качествами приобреталъ неограниченное довѣріе больныхъ, при чемъ такая естественная гуманность, чуждая всякой сентиментальности, оказывала прекрасное воспитательное дѣйствіе на слушателей, неизбѣжно привыкавшихъ даже въ вѣнскихъ пріемахъ почитать обаятельной личности учителя и дѣлала его клинику, при всѣхъ прочихъ его медицинскихъ достоинствахъ, самою образцовою школою для будущихъ врачей“. „Не только добросовѣстная точность и напряженная внимательность, съ какими Воткинъ изслѣдовалъ больного—говоритъ въ другомъ мѣстѣ біографъ его—и привѣтливая внѣшность, сквозь которую ярко просвѣчивалась необыкновенная человѣчность, искреннее участіе къ страждущему и еще болѣе искреннее желаніе помочь ему—дѣлали изъ него идеальнаго врача, производившаго на всѣхъ, обращавшихся къ нему, зачаровывающее впечатлѣніе и убѣжденность, что если возможно исцѣленіе отъ серьезнаго недуга, то только при содѣйствіи Воткина“. (См. стр. 29 и 39 брошюры Бѣлоголоваго—С. П. Воткинъ, его жизни и дѣятельности).—Многочисленные пациенты Бѣлоголоваго, навсегда сохранившіе въ сердцѣ его

въ свою очередь необыкновенно высоко цѣнили дарованія, познанія и высокія душевныя качества Вѣлоголоваго, и по нѣкоторымъ отдѣламъ медицины онъ открыто ставилъ его выше себя. Какою эпическою простотою и классическою красотою отзываются эти полныя взаимной нѣжности и уваженія отношенія двухъ медицинскихъ свѣтилъ, въ такомъ привлекательномъ свѣтѣ рисующія ихъ обоихъ — особенно въ наше время ожесточенной вражды медицинскихъ свѣтилъ, во имя личныхъ и меркантильныхъ соображеній!

Съ первыхъ же лѣтъ практики Вѣлоголовый имѣлъ въ Петербургѣ громадный успѣхъ и приобрѣлъ обширный кругъ пациентовъ во всѣхъ слояхъ общества. Своею быстрою популярностію онъ былъ обязанъ не только своему выдающемуся таланту чрезвычайно проницательнаго діагноста и запасу солидныхъ знаній, всегда неустанно и тщательно имъ пополняему, но и вѣрности своей строгимъ и благороднымъ принципамъ медицинской этики, отошедшимъ у многихъ нынѣ въ область «забытыхъ словъ». Необыкновенная мягкость въ обращеніи, рѣдкое безкорыстіе, простота и задушевность, чуждая всякихъ шарлатанскихъ ухищреній, влекли къ нему больныхъ изъ самыхъ разнообразныхъ слоевъ общества и народа. Богатый и бѣдный, знатный и простолюдинъ шли къ нему съ любовью и довѣріемъ, зная заранѣе, что никакіе инквизиторскіе распросы, никакой торгъ о гонорарѣ не ждутъ его у порога медицинской знаменитости. Принять всѣхъ желавшихъ не было возможности, а потому, по недостатку времени, Н. А. поневолѣ приходилось ограничивать свои приемы. Но для безобиднаго рѣшенія этого щекотливаго вопроса онъ употреблялъ по обыкновенію своему простое, прямое и честное средство: онъ объявлялъ, что въ такой то день приметъ столько-то больныхъ и затѣмъ принималъ явившихся безъ различія общественнаго положенія, а послѣ того прекращался приемъ для всѣхъ безъ изыятія.

Врагъ ученаго кумовства и nepотизма, въ особенности когда жертвами его являются интересы науки и учащейся молодежи, Вѣлоголовый обратилъ въ 1869 году на себя общее вниманіе своею правдивою

благородный образъ, безъ сомнѣнія согласятся, что приведенныя черты точно списаны съ него самого. (См. ниже Воспоминанія о Н. А. Вѣлоголовомъ). — Какой получается контрастъ, если сопоставить эти простые, безыскусственныя, полныя задушевности приемы Воткина и Вѣлоголоваго, съ тѣмъ полубалаганнымъ, полу-мистическимъ сложнымъ ритуаломъ, какимъ обставляють торжественное и à la lettre драгоцѣнное появленіе у постели больного иныя жрецы или шаманы современной медицины.